

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТРАН МАГРИБА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Азиз Ризаев

доктор философии по политическим наукам (PhD)

Независимый исследователь ТГУВ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проблема формирования и трансформации национальной идентичности в странах арабского Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) в условиях глобализации. Рассматривается специфика идентичности стран Магриба как сложного переплетения арабской, берберской и средиземноморской культурных традиций. Особое внимание уделяется государственной политике в сфере конструирования идентичности, включая образовательную, языковую, символическую и культурную политику. Анализируются меры, предпринимаемые странами региона для сохранения культурной самобытности и позиционирования на международной арене.

Ключевые слова: национальная идентичность, Магриб, глобализация, арабо-исламская культура, берберская идентичность, государственная политика идентичности, культурная дипломатия.

ANNOTATSIYA

Maqolada globallashuv sharoitida Jazoir, Tunis, Marokash kabi arab Mag'ribi mamlakatlari milliy identifikatsiyasining shakllanishi va transformatsiyasi muammosi tahlil qilinadi. Mag'rib mamlakatlari identifikatsiyasining arab, barbar va O'rta dengiz madaniy an'alarining murakkab uyg'unlashuvi sifatidagi o'ziga xosligi ko'rib chiqiladi. Identifikatsiyani shakllantirish sohasidagi davlat siyosatiga, jumladan, ta'lim, til, ramziy va madaniy siyosatga alohida e'tibor qaratiladi. Mintaqa mamlakatlarining madaniy o'ziga xoslikni saqlash va xalqaro maydonda o'zini namoyon qilish bo'yicha ko'rayotgan chora-tadbirlari tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: milliy identifikatsiya, Mag'rib, globallashuv, arab-islom madaniyati, barbar identifikatsiyasi, identifikatsiyaning davlat siyosati, madaniy diplomatiya.

ABSTRACT

The article analyzes the problem of the formation and transformation of national identity in the countries of the Arab Maghreb (Algeria, Tunisia, Morocco) under conditions of globalization. It examines the specificity of the Maghreb countries' identity as a complex interweaving of Arab, Berber, and Mediterranean

cultural traditions. Particular attention is paid to state policy in the sphere of identity construction, including educational, linguistic, symbolic, and cultural policies. The measures undertaken by the countries of the region to preserve cultural uniqueness and position themselves on the international arena are analyzed.

Keywords: *national identity, Maghreb, globalization, Arab-Islamic culture, Berber identity, state identity policy, cultural diplomacy.*

Проблема национальной идентичности в странах арабского Магриба, а именно в Алжире, Тунисе и Марокко, не сводится к описанию культурных признаков или этнолингвистической структуры общества. В историко-политическом измерении национальная идентичность выступает как результат длительной конкуренции колониальных, постколониальных, националистических, религиозных и регионалистских проектов и представляет собой динамическую конфигурацию, постоянно воспроизводимую институтами государства и общественными практиками¹. В данном контексте противопоставление традиционного и современного приобретает методологическую продуктивность при условии, что оно интерпретируется не как эволюция от архаичных форм к современным, а как взаимодействие двух режимов легитимации и символической интеграции. Традиционное обеспечивает культурную непрерывность и устойчивые основания коллективной принадлежности, тогда как современное формирует институциональные стандарты гражданства, государственного управления и политического участия².

Исторически национальная идентичность стран Магриба формировалась в поле пересекающихся идентификационных оснований, включающих арабо-исламский, амазигский (берберский), средиземноморский и африканский компоненты, а также под воздействием постколониального наследия. После деколонизации национальные государства стремились адаптировать институты современности к локальным культурным формам. Модернизация, бюрократизация, массовое образование и государственное право представлялись не как заимствование западной модели, а как органичное продолжение собственной исторической траектории развития. Это породило устойчивую напряжённость между универалистским проектом современного

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества Размышления об истоках и распространении национализма Пер. с англ. –М. Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 2001. –288 с.

² Геллнер Э. Нации и национализм Пер. с англ. –М. Прогресс, 1991. –189 с.

государства и реальными культурно-языковыми неоднородностями общества, которые не исчезли, а обрели новые формы политической артикуляции³.

Традиционное измерение идентичности в Магрибе проявляется через религию, локально-общинные структуры и коллективную память. Ислам здесь выступает как религиозная система, источник символической интеграции, социальной солидарности и исторической преемственности. При этом политическая роль ислама вариативна: государства стремятся удерживать контроль над публичной формой религиозности, институционализируя официальный ислам и ограничивая автономную политическую мобилизацию на религиозной основе. Такой подход особенно заметен в Марокко. В этой стране монархический институт традиционно опирается на религиозную легитимацию, но при этом адаптирует её к современному управлению и международной репутации государства⁴. В Алжире и Тунисе доминировали республиканские и модернистские нарративы. В этих странах религия остаётся базовым маркером принадлежности, однако её политическая институционализация и степень допустимой публичности зависят от периодов политической трансформации⁵.

Традиционное опирается на локальные и региональные идентичности, включая амазигский компонент, региональные солидарности и культурные различия. В условиях национального государства эти идентичности становятся либо объектом интеграции через административные механизмы и культурную политику, либо источником напряжений, когда они воспринимаются центром как конкурирующие проекты принадлежности. Именно здесь разворачивается ключевой сюжет современных стран Магриба. Переход от модели единой нации в монолитном арабо-исламском прочтении к модели признания культурной множественности при сохранении государственно-центричной рамки⁶. Амазигский фактор в этой логике важен не как этнографическая деталь, а как тест на способность государства конструировать инклюзивный национальный нарратив, не разрушая единство политической общности⁷.

Политика памяти выступает одной из ключевых опор традиционного. В Магрибе антиколониальная борьба и опыт независимости выполняют функцию «ядра» национального мифа, определяя иерархию героев, допустимые интерпретации прошлого и рамки легитимности. В Алжире эта функция

³ McDougall J. History and the Culture of Nationalism in Algeria. Cambridge Cambridge University Press, 2006. –320 p.

⁴ Miller S.G. A History of Modern Morocco. –Cambridge Cambridge University Press, 2013. –360 p.

⁵ Willis M. Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring. – London Hurst, 2012. –392 p.

⁶ Stora B. Algeria, 1830–2000 A Short History. –Ithaca London Cornell University Press, 2001. –283 p.

⁷ Maddy-Weitzman B. The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States. –Austin University of Texas Press, 2011. –304 p.

особенно выражена. Память о войне за независимость стала фундаментом революционной легитимности, определившей и символический капитал государства, и структуру политического поля на десятилетия⁸. В Тунисе и Марокко конфигурации памяти и легитимности имеют свои особенности, однако общая закономерность сохраняется. В этих странах историческое прошлое превращается в ресурс современного политического управления, а не в нейтральную область гуманитарного знания⁹.

Идентичность в арабских странах Магриба определяется прежде всего институциональным конструированием нации. Массовое образование, бюрократия, право, армия, государственные медиа и национальные символы формируют канон гражданина и границы принадлежности. Сравнительный анализ Марокко, Алжира и Туниса демонстрирует, что при различии политических форм государственности механизмы формирования национальной идентичности во многом сходны. Монархическая модель Марокко и республиканские формы государственности Алжира и Туниса обнаруживают общую закономерность: государство стремится сохранить монополию на нормативное определение нации, управляя культурным и политическим плюрализмом посредством институциональных фильтров и символических иерархий¹⁰.

Ключевым инструментом конструирования выступает языковая политика, поскольку язык одновременно является символом культурной принадлежности, механизмом социальной стратификации, каналом доступа к образованию, рынку труда и международным коммуникациям. В странах Магриба устойчиво функционирует трёхкомпонентная языковая система. Литературный арабский язык закрепляется как язык государственности и арабо-исламской культурной традиции. Французский сохраняет значимость как язык социального капитала, науки, экономики и внешних связей. Амазигский язык превращается в символ исторической субъектности и становится предметом требований институционального признания¹¹. Поэтому языковая политика фактически является политикой распределения статуса и возможностей. Языковая политика определяет, какие группы получают преимущества в образовательной и профессиональной конкуренции, и одновременно устанавливает нормативную

⁸ McDougall J. *History and the Culture of Nationalism in Algeria*. Cambridge Cambridge University Press, 2006. –320 p.

⁹ Willis M. *Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring*. – London Hurst, 2012. –392 p.

¹⁰ Willis M. *Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring*. – London Hurst, 2012. –392 p.

¹¹ Maddy-Weitzman B. *The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States*. –Austin University of Texas Press, 2011. –304 p.

версию национальной идентичности¹². В этой перспективе концепция языка как инструмента социального доминирования позволяет показать, что борьба вокруг языков представляет собой борьбу за легитимное определение культуры и за контроль над социальными траекториями граждан¹³.

В XXI веке амазигский фактор частично институционализируется на уровне конституционного признания. Конституционные реформы в Марокко (2011 г.) и Алжире (2016 г.) закрепили амазигский язык в качестве официального наряду с арабским, что стало важным шагом к включению амазигской идентичности в государственный канон и институционализации её статуса в системе публичной политики и культурной репрезентации¹⁴. Эти изменения важны как индикатор. Государства признают, что «монолитная» модель идентичности оказывается недостаточной в условиях политической мобилизации культурных различий и международной чувствительности к правам меньшинств.

Глобализация усиливает данную динамику, однако не выступает фактором прямого разрушения традиции. Её воздействие проявляется в трансформации правил публичного обращения к традиционным ценностям и практикам, переводя процесс формирования идентичности в режим постоянной конкуренции альтернативных нарративов. Экономическая глобализация углубляет социальную дифференциацию и усиливают роль культурного капитала (включая языковой), а цифровая среда снижает монополию государства на производство смысла. В результате традиционные символы и практики не исчезают, а модернизируются – превращаются в элементы публичного дискурса, медиаконтента и политической мобилизации, особенно среди молодёжи. Одновременно возрастает большой интерес к религии, локальной культуре и «корням» как к символическим опорам в условиях ускоренных изменений и неопределённости¹⁵.

Миграция и диаспора являются существенным механизмом глобализационной трансформации идентичности. Диаспоры стран Магриба в Европе, особенно во Франции, формируют внешнее измерение национальной принадлежности. В условиях транснационального существования идентичность

¹² Буденис О.Г. Социокультурная функция билингвизма в странах Магрибского союза на примере Алжира и Марокко // Человек Образ и сущность Гуманитарные аспекты. –2024. –№ 2(58). –С. 140–156. –DOI 10.31249/chel/2024.02.08.

¹³ Bourdieu P. Language and Symbolic Power. – Cambridge Polity Press, 1991. –302 p.

¹⁴ Morocco's Constitution of 2011. –Электронный ресурс. – Ст. 5. – URL https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011; Constitution of Algeria 2016. –Электронный ресурс. – Ст. – 4. –URL https://www.constituteproject.org/constitution/Algeria_2016.

¹⁵ Willis M. Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring. – London Hurst, 2012. –392 p.

переживается через столкновение с альтернативными моделями гражданственности, секулярности и культурного признания. Данное обстоятельство формирует механизм обратной связи между внутренней и внешней политикой идентичности. Государства Магриба вынуждены всё в большей степени учитывать внешние репрезентации нации, а также политическую и культурную активность диаспорных сообществ, включая дискуссии о языковой политике, религиозных практиках, исторической памяти, гражданских правах и национальной символике¹⁶. Диаспора становится каналом циркуляции культурных индустрий (музыка, кино, литература), которые формируют новые гибридные формы магрибской идентичности, выходящие за рамки классического государственного канона.

Внутри арабских стран Магриба глобализация особенно заметна в языковой и медиасреде. Исследования современной языковой ситуации в Марокко, Алжире и Тунисе демонстрируют устойчивость многоязычия и функциональной дифференциации языков. Арабский в его литературной и диалектной формах, французский и амазигский распределяются по различным социальным нишам и выступают маркерами статуса, модернизации и культурной аутентичности¹⁷. Это означает, что современное и традиционное не замещают друг друга, а сосуществуют в форме практик, где один и тот же субъект может использовать разные языки и культурные коды в зависимости от контекста, укрепляя тем самым гибридный характер идентичности.

Сравнительно-исторически различия между странами Магриба проявляются в том, как государство организует баланс традиционного и современного. В Марокко монархический институт обеспечивает особую форму «гибридной легитимации», объединяющей традиционные символы и современные управленческие практики. В этой связи в данной стране чаще наблюдается управляемое включение культурного плюрализма при сохранении сильного центра¹⁸. В Алжире ключевым ресурсом остаётся память о войне независимости и революционная легитимность, что задаёт более жёсткие рамки символической политики и делает языковой и культурный вопрос особенно чувствительным¹⁹. В Тунисе усиливается гражданская и правовая рамка идентичности, однако сохраняется напряжение между секулярным наследием

¹⁶ Maddy-Weitzman B. The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States. –Austin University of Texas Press, 2011. –304 p.

¹⁷ Буденис О.Г. Социокультурная функция билингвизма в странах Магрибского союза на примере Алжира и Марокко // Человек Образ и сущность Гуманитарные аспекты. –2024. –№ 2(58). –С. 140–156. –DOI 10.31249/chel/2024.02.08.

¹⁸ Miller S.G. A History of Modern Morocco. –Cambridge Cambridge University Press, 2013. –360 p.

¹⁹ McDougall J. History and the Culture of Nationalism in Algeria. Cambridge Cambridge University Press, 2006. –320 p.

модернизации и общественными ожиданиями религиозной и культурной аутентичности²⁰.

Развитие национальной идентичности в странах Магриба в условиях глобализации описывается как переход к гибридной идентичности, где традиционное и современное функционируют не как полюса, а как взаимопроникающие элементы одного исторического процесса. Традиционное обеспечивает символическую непрерывность и формирует основания коллективной принадлежности. Современное создаёт институциональные стандарты гражданства и государственного управления. В свою очередь, глобализация расширяет круг акторов, способных конкурировать за право определять содержание национальной идентичности, что повышает значимость языковой политики, политики памяти и механизмов культурного признания в государственном развитии стран Магриба²¹.

На основе вышеизложенного можно сделать заключение, что развитие национальной идентичности государств Магриба в условиях глобализации характеризуется проявлением традиционного и современного не как взаимоисключающих противоположных полюсов, а как взаимопроникающих элементов единого исторического процесса. На примере Марокко, Алжира и Туниса видно, что, несмотря на различие форм политического устройства, государства опираются на схожие стратегии формирования национальной идентичности посредством языковой политики, политики памяти и механизмов религиозной легитимации. Институционализация амазигского фактора на конституционном уровне свидетельствует о переходе от монолитной арабо-мусульманской модели к модели культурного многообразия. Глобализация не разрушает традицию, а превращает процесс формирования идентичности в пространство постоянной конкуренции альтернативных нарративов. Опыт государств Магриба представляет научную значимость как важный пример поиска баланса между управлением культурным многообразием и сохранением национального единства в постколониальных условиях.

²⁰ Willis M. Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring. – London Hurst, 2012. –392 p.

²¹ Maddy-Weitzman B. The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States. –Austin University of Texas Press, 2011. –304 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества Размышления об истоках и распространении национализма Пер. с англ. –М. Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 2001. –288 с.
2. Буденис О.Г. Социокультурная функция билингвизма в странах Магрибского союза на примере Алжира и Марокко // Человек Образ и сущность Гуманитарные аспекты. –2024. –№ 2(58). –С. 140–156. –DOI 10.31249/chel/2024.02.08.
3. Геллнер Э. Нации и национализм Пер. с англ. –М. Прогресс, 1991. –189 с.
4. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. – Cambridge Polity Press, 1991. – 302 p.
5. Constitution of Algeria 2016. –Электронный ресурс. – Ст. – 4. –URL https://www.constituteproject.org/constitution/Algeria_2016.
6. Maddy-Weitzman B. The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States. –Austin University of Texas Press, 2011. –304 p.
7. McDougall J. History and the Culture of Nationalism in Algeria. Cambridge Cambridge University Press, 2006. –320 p.
8. Miller S.G. A History of Modern Morocco. –Cambridge Cambridge University Press, 2013. –360 p.
9. Morocco's Constitution of 2011. –Электронный ресурс. – Ст. 5. – URL https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011.
10. Stora B. Algeria, 1830–2000 A Short History. –Ithaca London Cornell University Press, 2001. –283 p.
11. Willis M. Politics and Power in the Maghreb Algeria, Tunisia and Morocco from Independence to the Arab Spring. –London Hurst, 2012. –392 p.